

Язык как неизбежность

Наша речь – это такой же продукт эволюции, как хобот слона или клыки тигра.

Фото Кирилла Лагутко

Есть десяток фундаментальных вопросов, которые не дают покоя науке. Откуда взялся человек? Как зародилась жизнь? Кто устроил Большой взрыв? И так далее. Вопрос «Как появился язык?» из той же серии. Недавно выпущенная издательством Corpus при содействии фонда «Династия» книга «Происхождение языка» — произведение фундаментальное и популярное одновременно. Корреспондент «Русского репортера» отправился в гости к ее автору, лингвисту Светлане Бурлак. Ее главная идея: язык был эволюционно неизбежен, это было логическое завершение того пути, на который вступили приматы — групповые животные, сделавшие ставку на интеллект. В ее гипотезе нет никакой случайности, никаких изобретений — только железные биологические законы.

Мы сидим на кухне у Светланы. На столе торт «Киевский» и чай. В комнате работает за компьютером ее муж — Илья Иткин, похожий на Чарли Чаплина без котелка. Он тоже лингвист, а также переводчик и учитель литературы. Рядом в майке с надписью «XII Летняя лингвистическая школа» бродит их десятилетний сын Саша, по-семейному — Суслик.

— Суслик, ты все уроки сделал? — одновременно ласково и сурово (и как это у нее получается?) интересуется Светлана.

— Нам по географии нечего не задали. А остальное все сделал.

— Да? — В голосе Светы слышится недоверие.

Я не выдерживаю:

— Света, слушай, а ты в школе неужели все домашние задания выполняла?!

— Не поверишь — все и всегда! Я же была жуткой отличницей. Да и сейчас остаюсь. Вот когда книгу о происхождении языка писала, такую гору литературы перерыла! У меня библиография больше пятисот названий.

Отпечатки мозга

Как сообщает сайт МГУ, «основная область научных интересов С. А. Бурлак — сравнительно-историческое языкознание, в особенности тохарские языки». На этих языках говорили народы, жившие на западе нынешнего Китая. Тохар не существует уже много веков. В другой справке про Светлану написано: «Изучает мертвые бесписьменные языки...» Света очень возмущалась: мол, как же я должна его изучать, если он и мертвый, и бесписьменный одновременно!

Но если говорить о происхождении языка, то получается как раз такая история. Письменных источников нет, живых носителей тоже. Даже от мертвых не осталось ничего, кроме потертых костей.

В XIX веке Парижское лингвистическое общество отказалось рассматривать любые работы, связанные с происхождением языка, точно так же, как было запрещено принимать любые проекты вечного двигателя. Типа ничего толкового в этих исследованиях быть не может, поскольку предмет изучения недоступен, а значит, на нем можно только спекулировать.

— Происхождение языка — тема, которая обычно считается фриковской. Как и тема происхождения человека... — Светлана тяжело вздыхает.

Вспоминаю, как, готовясь к этому интервью, прочитал на сайте какого-то бюро переводов: «Ни одна из теорий не дает приемлемого объяснения необычайному разнообразию и сложности языков. Так что не остается ничего иного, кроме веры в Бога-Творца, который не только создал человека, но и наделил его даром речи...»
Интересуюсь:

— Ты имеешь в виду всевозможные рассуждения о том, что язык нам подарили инопланетяне или господь бог?

— Не совсем. Гипотезу о том, что язык был привнесен какими-то высшими силами, я вообще не рассматриваю. И не только потому, что это ненаучно. Получается, что эти высшие силы напоминают неумелых кустарей, создавших настолько никудышный мир, что его нужно все время подкручивать. Мне кажется, мир сделан так, что все работает само, и язык мог образоваться естественным путем.

— Хорошо, а кого ты тогда имеешь в виду, говоря о фриках?

— Понимаешь, можно найти множество теорий на эту тему: «А вот почему не могло быть так — пошли они охотиться, и надо им было договориться, в какую сторону гнать мамонта, тут-то они и изобрели язык». Ну, или еще что-нибудь в этом духе — например, теория, гласящая, что первые слова люди придумали, чтобы клясться в верности своему племени. Сказок можно много напридумывать. А мне было интересно посмотреть на те действительно научные исследования, которые сейчас ведутся.

— Как же отличить сказку от настоящей науки?

— Одно дело, когда пишут: «Предположим, что человек жил по берегам рек и много плавал — наверное, поэтому у него волосы выпали, и он прямоходящий стал...» И совсем другое, когда говорят: вот кости такие-то, параметры такие-то, статистика такая-то. Это другой уровень.

— И как на этом «другом уровне» можно исследовать язык существ, которые исчезли десятки, а то и сотни тысяч лет назад?

— Накоплено огромное количество данных — в генетике, в антропологии, в этологии, в когнитивной науке. Теперь невозможно построить «сказочную» гипотезу, потому что она неминуемо разобьется о какие-то факты. И это хорошо, — улыбается Светлана.

Картина происхождения языка складывается из кусочков разных наук. С одной стороны, антропологи способны по отпечаткам на внутренней поверхности черепа восстанавливать, какие области мозга были развиты, а какие не очень. Тут можно далеко зайти — «РР» писал как-то о совместном исследовании российских палеонтологов и нейрофизиологов, которые взяли череп динозавра, жившего больше 100 миллионов лет назад, и определили, какими у этой твари были зрение и слух.

Не отстают и генетики. Есть, например, знаменитый ген FOXP2, который связывают со способностью владеть языком. Установлено, что мутации в нем вызывают проблемы с речью, причем, не только с ней. Другие кусочки мозаики добавляют лингвисты и психологи, работающие с детьми. Наблюдая, как детское агуканье переходит в нечто осмысленное, можно попробовать реконструировать развитие языка. А еще есть гигантский массив наблюдений за общением животных...

— Надо только собрать все это, как пазл — чтобы все фрагменты образовывали внятную картину. И если все кусочки аккуратно подходят друг к другу, понимаешь, что концепция правильная, — поясняет Светлана.

Кому-то зубы, кому-то речь

Со Светой мы знакомы уже лет пятнадцать. Помню, на какой-то зимней школе мы участвовали в диспуте между естественниками и гуманитариями. Первые доказывали, что человеческое поведение вполне укладывается в законы биологической эволюции и между нами и животными не такая уж большая разница. Гуманитарии, понятное дело, настаивали на уникальности людского сообщества. Дискуссия началась в восемь вечера и закончилась в пять утра. В споре фигурировали сороки, волки и офисные работники.

По идее, лингвистика — наука гуманитарная. Но в том споре Светлана самым предательским образом примкнула к лагерю биологов. Она вообще нетипичный лингвист. Не ограничиваясь фонемами с суффиксами, смело вторгается в «чужое» пространство — антропологию, зоологию, генетику, физиологию. И если сотни страниц ее книги попытаться свести к одному слову, то этим словом будет «эволюция».

— Понимаешь, из каких-то совершенно мелких вещей эволюционно могут развиваться самые удивительные приспособления — от слоновьего хобота до триумфальной церемонии серого гуся, — объясняет мне Света.
— Если эволюции надо, она сформирует очень много всего.

— И язык тоже?

— Конечно! Я тут выступала на открытых лекциях «Полит.ру» и свою тему сформулировала так: «О неизбежности происхождения языка». Возникновение языка было в некотором смысле неизбежным результатом эволюции, другого варианта — после того как обезьяны вступили на этот путь развития — просто не было.

— Но откуда ты неизбежность взяла? Как я понимаю, эволюция построена на случайных мутациях. Где-то в ДНК заменился один нуклеотид на другой, полученный признак оказался полезным, животное радостно пошло размножаться и разносить свой геном по миру. Сплошная случайность и никакой неизбежности!

— На самом деле все сложнее. Эволюция работает не с генами, а с фенотипами, то есть с набором внешних признаков организма, которые помогают ему выживать. Какие именно гены обеспечивают эти признаки — не так важно, был бы эффект. Если мы наблюдаем у вида-потомка какие-то анатомические преобразования, то это весомый аргумент в пользу того, что перед видом-предком стояла задача, хорошо решавшаяся с помощью таких приспособлений. И кто смог их найти, тот составил основу нового вида, тот молодец. Грубо говоря, эволюция не отбирает случайных мутантов, а неизбежно подводит к решению задачи тем или иным способом. А кто не смог решить задачу, тот просто не стал новым видом.

— Ты уверена, что эволюции язык был нужен?

— Конечно. Мне очень нравится высказывание лингвиста Стивена Пинкера о том, что естественный отбор будет поощрять в каждом поколении тех говорящих, кого лучше всех могли понимать слушающие, и тех слушающих, которые лучше всех понимали говорящих. Так, в конце концов, получается наш язык. Знаешь, что мне больше всего нравится в моей гипотезе происхождения языка?

— Что же?

— В ней никто ничего глобального не хочет, никто ничего специально не делает, никто не пытается придумать слова и предложения на миллион лет вперед, все хотят достичь сиюминутного коммуникативного успеха. И вот этого, оказывается, достаточно.

— Но почему язык появился именно у наших предков, какая задача перед ними стояла?

— Специализация приматов в природе — это не переваривание травы, как у коровы, и не клыки с когтями, как у какого-нибудь тигра.

— А что?

— Понимание! Вот смотрит обезьяна на окружающий мир и пытается постичь причины и следствия. Ежели видит она причину, то понимает, что ждет ее следствие, ну и реагирует с опережением. Пока следствие еще не наступило, она уже бежит что-то делать и оказывается самой первой.

— И это был единственный выход?

— Ну почему? Можно было уйти в гориллы. Сидеть себе у реки, задумчиво жевать осоку — и будет тебе счастье, правда, недолгое. А всеядные твари должны были постигать причины и следствия. Если делать на это ставку, то выигрывает тот, кто обращает внимание на всякие детали окружающей действительности. Чем больше заметил, тем адекватнее суждение. Групповые приматы от этого сильно выигрывают — если кто-то один, который заметит, что-нибудь вякнет.

— Чтобы вякнуть и выжить, не такая уж сложная система коммуникации нужна.

— Смотря сколько деталей тебе надо заметить. Если надо леопарда от орла отличить, то системы обезьян верветок для этого хватает. Кричим «леопард» — все лезут на верхние веточки, кричим «орел» — все в кусты, кричим «змея» — встали на задние лапки, осмотрелись. Но когда ты делаешь каменные орудия, деталей, которые надо замечать, становится сразу много: какой камень годится, какой не годится, куда надо бить, чтобы по пальцу не попасть...

— Неужели для изготовления каменного топора нужен такой уж развитый язык? Вот представь: сидим мы с тобой в лесу, я нашел подходящий кусок кремня и...

Демонстрирую, как, будучи хомо эректусом, мог бы преподавать основы камнетесания:

— О-о-о-го-го!

Светлана поддерживает меня:

— У-у-у-гу-гу!

— Ну и зачем нам какой-то язык? Мы вполне могли бы, угукая и огокая, открыть небольшой комбинат по производству каменных топоров! Нам вполне хватило бы жестов, — не успокаиваюсь я.

— Жестом многое можно сделать. Но язык нужен, если хочешь стать глазами и ушами всей группы. Ты что-то заметил, вякнул, и это стало достоянием всех, — объясняет Светлана. — Преимущество в борьбе за существование получают те группы, члены которых не изобретают для одних и тех же ситуаций новые сигналы, а повторяют старые. Это же выгодно — запоминать и накапливать сигналы.

— Но зачем нужна такая сложная коммуникативная система с кучей сигналов? Вот в соседней комнате сидит твой муж, работает. Если ты просто крикнешь «эй!», Илья, скорее всего, придет.

— Или не придет — в зависимости от того, как он интерпретирует мое «эй!»: может, это я к Суслику обращалась.

— Думаю, при всей загруженности, а она у него явно побольше, чем у древних приматов, он потратит минуту, чтобы дойти до кухни. А когда он придет, можно еще раз крикнуть «эй!» и показать на торт. Тогда Илья все поймет и сядет с нами пить чай. Получается, что даже для коммуникации с кандидатом филологических наук развитый язык не нужен — хватает простых жестов и криков.

— Тут еще важна скорость. Ведь нужно быстро передать сигнал, призвать к какому-то конкретному действию. Это торт никуда не денется, а какая-нибудь кистеухая свинья с поросятами убегут в заросли, не догонишь потом.

Илья пришел на кухню минут через десять. Даже «эй!» не понадобилось. Глянув на торт, он констатировал, что безе с орехами не в его вкусе, и ушел обратно. Может, это и хорошо — нам больше достанется. Кстати...

— Света, вот представь: иду я по лесу и нахожу питательный корешок. По идее, вместо того чтобы с удовольствием его сожрать, я должен закричать на весь лес: «Граждане гоминиды! Мною обнаружен источник пищи. Идите все сюда, дабы разделить трапезу». Но тогда меня первыми могут услышать не собратья по виду, а злобные хищники, и не я полакомлюсь корешком, а какой-нибудь леопард — мною. Ну а если я даже

достигну своей цели и прибежит толпа соплеменников, то еды мне достанется намного меньше. В чем тут эволюционный смысл?

— Это проблема любой коммуникативной системы, не только человеческого языка, — поясняет Светлана. — Действительно, зачем тратить время и силы, зачем рисковать? Но любая коммуникативная система развивается не для выгоды конкретной особи. Она нужна группе в целом.

«Просто мы не понимаем континуумов...»

— Давай все-таки перейдем к главному. Ты занимаешься происхождением языка. Можешь ли четко сказать, где и когда это случилось? В каком году и в какой точке планеты появился язык? — интересуюсь я у Светланы и уже предвкушаю броский заголовок типа: «Человек заговорил сто двадцать тысяч лет назад на юге Танзании». Но Света слишком умная, чтобы давать повод для таких заголовков.

— Чтобы понимать, где и когда, надо сначала понять что. Что такое язык?

— Язык — это... ну....

Смущаюсь. Наверняка у лингвистов на этот счет есть какая-нибудь формулировка типа: «Язык — это система знаковой коммуникации, позволяющая...» Должно же быть какое-то железобетонное определение...

— Определить — значит найти предел. О-предел-ить. Ну, вот ты точно говоришь на языке, и я говорю на языке. А собака — она точно не говорит на языке. Но вот ребенок, которому год, — он знает язык или нет? Ты его спрашиваешь: «Хочешь печенье?» Он говорит: «Дям» — значит, дай ему печенье. Это уже язык или еще нет?

Десятилетний Саша внимательно слушает разговор, благо уроки сделаны. Озираясь на мой диктофон, отрезает себе кусок торта, ухитрившись ни разу не стукнуть ножом о блюдо и вообще не издав ни единого звука. Нормальный ребенок так бы не смог. Наверное, это гены мамы-отличницы.

Я же пытаюсь восполнить пробелы в своем лингвистическом образовании:

— Ну а если одна обезьяна сообщает другой: мол, здесь опасно, побежали отсюда. Это язык или не язык?

— Все зависит от определения, которое дает конкретный исследователь в зависимости от своей конкретной задачи.

— Хорошо. А какое определение даешь ты?

— Я никакого не даю. Мне без определения проще. На самом деле у нас просто мозги так устроены, что мы не понимаем континуумов, мы хотим дискретных сущностей. Например, если кошка лежит на компьютере, мы всегда знаем, где кончается кошка и начинается компьютер. И точно так же хотим знать во времени, где кончаются обезьяны и начинаются люди. Но ведь эволюция — штука непрерывная. Человека мама родила, а маму мама родила, а эту маму тоже мама родила... И так мы двигаемся по цепочке мам, которые... и в конце концов приходим к обезьяне.

— Так у этой обезьяны был язык или нет?

— Ты спрашиваешь, использовала ли эта обезьянья мама при общении со своими детьми какую-то коммуникативную систему? Конечно, все обезьяны что-то вякают и руками машут, у кого хвосты есть, могут и хвостами помахать. Понимала ли дочка маму? Да не вопрос, иначе как бы они жили? Групповые приматы все-таки... Так что коммуникативная система всяко была. Она у многих животных есть.

— Хорошо. Место и дату рождения языка ты назвать не можешь. Но неужели не было каких-то ключевых точек, прорывов? — не унимаюсь я.

— Мне кажется, ключевой рывок был тогда, когда система обрела то, что можно назвать достраиваемостью. Когда человек овладевает языком, он ведь не выучивает его. Вот в школе мы английский вызубриваем. А свой родной язык, когда еще под стол пешком ходим, достраиваем. Сначала делаем как умеем и говорим: «Бабушка, он меня поцелул». Это такое гиперобобщение: ломай — ломал, делай — делал, поцелуй — поцелул. В какой-то момент эволюции знаков стало так много, что их уже невозможно было все запомнить. Соответственно, чего не помнишь — достраивай.

— И это было появлением грамматики?

— Ага. Грамматика — это и есть возможность достраивать. Ты когда-нибудь слышал слово «энклиномен»?

— Вроде нет... Это какой-то лингвистический термин?

— Неважно. Важно, что ты его не слышал. А теперь ну-ка скажи творительный падеж множественного числа слова «энклиномен». Я доволен этими...

Пока я мучительно вспоминаю падежи и числа, мой язык автоматически произносит:

— ...Энклиноменами!

— Молодец. И как же ты догадался?! Ты мог вообще не помнить правила. Но из контекста — «Я доволен этими...» — мгновенно понял, как правильно сказать.

— Ну хорошо, а известно, когда появилась грамматика?

— Вот это непонятно. Обычно говорят, что зона Брока в коре головного мозга — это зона грамматики. Рост в этой зоне начинается с хомо хабилис...

Ну вот. Наконец начали появляться хоть какие-то даты. Хомо хабилис (человек умелый) жил на Земле примерно 2–2,5 млн лет назад. Но я все равно до конца не уверен:

— Разве наличие этой самой зоны Брока означает, что человек владел языком? Допустим, мы набираем текст на компьютере пятью пальцами — клавиатура рассчитана именно на это. Но нельзя же из этого делать вывод, что компьютер появился вместе с пятипалостью, то есть триста миллионов лет назад...

— Правильно. Может быть, у хабилисов эта зона мозга занималась еще не грамматикой, а чем-то другим. И у более поздних эректусов эта зона тоже могла отвечать за что-то другое, а могла — уже за грамматику.

Меня снова лишили определенности. Торжественная дата появления языка размазывается по сотням тысяч лет. Света пытается меня успокоить:

— На самом деле я думаю вот что. Чтобы была грамматика, надо произносить больше одного слога за одну реплику. Правильно? Иначе никаких приставок, окончаний, суффиксов — один слог на все про все. Воздух должен подаваться на голосовые связки не сразу, а небольшими порциями. Более того, чтобы мы могли внятно говорить, диафрагма должна совершать так называемые парадоксальные движения: на выдохе делать движения типа вдоха. В общем, получается такой природный эквалайзер.

— И что из этого? — не совсем понимаю я.

— Чтобы этим природным эквалайзером управлять, нужна хорошая управлялка и много проводов. А чтоб много проводов влезло, необходима толстая дырка в позвоночнике. У хомо эректус эта дырка тонкая, у следующих гоминидов — человека гейдельбергского, неандертальца, хомо сапиенса — широкая, соответственно, они могли произносить больше одного слога за одну реплику.

— Значит ли это, что они добрались до грамматики?

— Не знаю. Может, и добрались, а может, добрались только сапиенсы. У древнейших сапиенсов кости уже такие же, как у нас. Наверное, и мягкие ткани были такие же, хотя поди знай — они следов не оставляют. Значит, тогда, двести тысяч лет назад, была опущенная гортань и членораздельная звучащая речь.

Подавиться или молчать

Считается, что для появления языка эта опущенная гортань была чуть ли не важнее, чем развитый мозг и умение управлять диафрагмой. У нас ротовая полость и глотка примерно одинаковы по длине, что позволяет четко произносить «крайние» гласные: [i], [u], [a].

Другие гоминиды такого счастья лишены. Американские психологи вот уже полвека пытаются научить обезьян говорить. Самая продвинутая горилла Коко способна оперировать несколькими тысячами слов. Мозгов у нее для этого хватает. Но высокая гортань не позволяет ей эти слова произнести — приходится использовать язык глухонемых.

Впрочем, на этот счет есть и другие теории. Один знакомый зоолог, работающий в Московском зоопарке, как-то объяснял мне, что опущенная гортань позволяет издавать низкие звуки и выдавать себя за более крупное существо. Делюсь этим со Светланой:

— Может, между опущенной гортанью и появлением языка нет связи? Чистая самозащита: ревешь басом, и хищник думает, что ты здоровенный бычара, и предпочитает с тобой не связываться.

— Знаешь, когда у тебя есть каменное рубило, хищник и так старается не связываться. Потому что тот, который не старается, получает рубилом в череп и выбывает из эволюционного процесса.

— Ты хочешь сказать, что древнему человеку важнее было пообщаться, чем спастись от хищника? Что наших предков не жрали?

— Жрали, конечно. Да тигры и в наше время иногда жрут не только предков, но и потомков. Но это случалось не так уж часто. Австралопитеков жрали систематически, а вот эректусов уже нет. Эректус — это уже такой большой дядя с большим камнем. И если такие дяди соберутся в группу, то хищнику сильно не повезет. И вообще, преувеличение собственных размеров — слишком маленький эволюционный выигрыш за такую неудобную штуку, как опущенная гортань.

— Чем же она неудобна?

— Тем, что подавиться можно. При каждом глотке, совершаемом человеком, пища или жидкость проходят над отверстием трахеи. Только в США из-за этого ежегодно погибают несколько тысяч человек. У обезьян глотка устроена иначе, и им не грозит опасность подавиться.

— Для речи это большая выгода?

— Для членораздельности — да. У языка появляется много степеней свободы, и он уже может обеспечить немереное количество всяких разных звуков. Значит, можно завести большой-большой словарь, и тогда потребуются грамматика, чтобы как-то все это упорядочить.

— Хорошо, а что было раньше: курица или яйцо, развитый мозг или опущенная гортань?

— Скорее всего, это было то, что в биологии называется коэволюцией, — когда одно подстегивает другое, положительная обратная связь. Видимо, хомо эректусы, предки гейдельбергского человека, уже пытались произнести несколько слогов за одну реплику, и в гейдельбергцы вышли только те, кому это удалось. Кому не удалось, вымерли. Следующая задача — членораздельная звучащая речь. Кто ее решил, вышел в хомо сапиенсы, у кого не получилось, подарил свои кости антропологам.

О чем говорил кроманьонец

— Света, наверное, тебе все задают поповый вопрос о том, каким было первое слово, которое произнес человек?

— Ну, бывает, задают...

— И ты, небось, отвечаешь, что однажды утром самый умный хомо эректус вышел на поляну, оглядел своих соплеменников и произнес хриплым басом: «Антропогенез!»

— Примерно так. А если серьезно, то что можно считать этим самым первым словом? Вот когда мой Сашка научился говорить «дям», что одновременно означало и «да», и «дай», это было первым словом или просто младенческим вяком? Тут границу провести практически невозможно.

— Хорошо, не будем искать это первое слово. Но хоть какой смысловой ряд человеку было выгоднее освоить первым?

— Наверное, это был ряд, связанный с повседневной деятельностью, с каким-нибудь новым рубилом или едой какой... Как только начинается что-то нестандартное, то, кто об этом сообщил, тот и выиграл. При перемещении из леса в саванну количество нового, нестандартного сильно возрастает. Когда появляются сложные орудия, возрастает еще. Когда начинается продвижение в зону умеренного климата, то там, соответственно, одежда, жилище, огонь — тут уж без языка точно не обойтись.

— Можно ли предположить, какие части речи появились раньше? Существительные, наверное?

— Тут все сложно. Ты даже современные языки возьми и попробуй в них части речи определить. В том же английском «a face» — это существительное «лицо», а «to face» — глагол «встретаться лицом к лицу». Подозреваю, что первыми были так называемые голофразы — такие однословные высказывания, которые сразу покрывают ситуацию целиком. Их часто дети используют.

— Какое-нибудь «мям» — дай мне поесть.

— Типа того. В одной книжке по детской речи есть хороший пример: «Варежка!» В одном случае это значит: «Я потеряла варежку, как мне плохо!» В другом: «Я нашла свою потерянную варежку, ура!» И опять же, чем больше нюансов надо передать, тем больше ярлыков на них надо навесить. Очень может быть, что хомо эректусы, у которых был тонкий позвоночный канал и не было возможности за раз произнести больше одного слога, как раз такими голофразами и обходились. Ну а потом — да, жизнь стала тяжелее, стало не хватать.

— Скажи, а есть в понимании происхождения языка что-то, что сейчас неизвестно, но в будущем это, возможно, сумеют открыть?

— Много чего неизвестно. И что там наука с техникой нам в будущем смогут дать, никто предсказать не может. Думал ли кто-нибудь, что мы узнаем, какого цвета были перья динозавра? Мы вообще долго не знали, что у этих ящеров оперение было. А вот совсем недавно нашли в окаменелостях какие-то следы молекул пигментов и реконструировали цвет. Думаю, с происхождением языка нечто похожее вполне может случиться.

Чай выпит. Торт почти доеден. Разговор подходит к концу. И, как положено, я прошу дать прогноз: что же будет с человеческим языком дальше?

— Для того чтобы действительно начались какие-то изменения, нужен новый эволюционный вызов.

— Какой?

— Не знаю. Должно случиться что-то, что повернет естественный отбор в ту или иную сторону.

— Ты хочешь сказать, что естественный отбор все еще работает?

— Он всегда работает. Мы же как-то выбираем, на ком жениться и с кем детей заводить. К примеру, если мы отвергаем тех, кто позлобней, то постепенно гены, провоцирующие злобность, переведутся. Правда, я этого не замечаю. Может, потому что очень близорука и ненаблюдательна.

Справка РР

Когда появился язык?

Крайние позиции

— Чем-то похожим на язык обладали еще австралопитеки, жившие 4–5 млн лет назад. Это, конечно, была не такая отчетливая и связная речь, как у нас. Но все-таки их система коммуникации уже отличалась от обезьяньей.

— О языке можно говорить только применительно к *Homo sapiens*, который появился около 200 тыс. лет назад. Только у нашего вида полностью развиты приспособления для речи: соответствующие зоны в мозге, опущенная гортань, особая система управления диафрагмой и слух, рассчитанный на определенные частоты.

Была ли наша речь изначально звуковой?

Крайние позиции

— Сначала язык основывался на жестах. А звуковым он стал, когда руки оказались занятыми орудиями. У обезьян, например, жестовый язык вполне развит. Да и многие из нас без жестов не обходятся, есть даже поговорка: итальянец со связанными руками говорить не сможет.

— Наш язык возник из подражания крикам животных и другим природным звукам. А дальше эволюция обеспечила нас средствами все более и более тонкого управления акустическими сигналами.

Насколько наша способность к языку прописана в генах?

Крайние позиции

— В нашем мозге изначально существует нечто вроде языкового органа и языковых генов. Способность конструировать предложения именно таким способом передается нам по наследству.

— Никакого языкового органа нет. Есть просто мозг, который хорошо развит и способен научиться языку. А гены содержат только информацию о белках, а не справочник Розенталя.

Существовал ли единый язык человечества?

Крайние позиции

— Скорее всего, существовал. Изначально язык был единым, а потом разделился на группы, семьи и так далее. Недаром даже в самых непохожих языках можно обнаружить общие принципы, например деление на гласные и согласные.

— Скорее всего, не существовал. С самого начала языки формировались в нескольких центрах. А сходство языков связано лишь со сходством человеческого мышления и физиологии.

Автор: Григорий Тарасевич © Русский репортер КУЛЬТУРА, МИР 👁 6124 25.02.2012, 00:36 📄 604

URL: <https://babr24.com/?ADE=103033> Bytes: 27951 / 27718 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Григорий
Тарасевич.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)